

ДОКТОР НОННА

ЛЮБОВЬ – РАБОТА
БЕЗ ВЫХОДНЫХ

Доктор Нонна
Любовь – работа без выходных
Серия «Житейские истории»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3434525

Доктор Нона Любовь – работа без выходных: повести: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-53434-0

Аннотация

Она замужем. Имеет сына. У него тоже есть семья. Но любовь закружила их в вихре сальсы, расцветив жизнь яркими серпантинами, припудрив мостовые конфетти, наполнив солнцем унылую Северную столицу. И даже тогда, когда у Гали родился чересчур смуглый для их семьи мальчик, женщина была преисполнена радости. Не испугала ее ни реакция мужа, ни удивление родителей. Но вот знание, что любимого больше никогда не увидит, залегло льдинкой в ее сердце.

Содержание

Просто однокурсник	6
Дождь в августе	8
«Квартирант»	10
Черный коралл	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Доктор Нонна Любовь – работа без выходных

– Буэнос диас! Буэнос тардес! Буэнос ночес!

Галя вторые сутки сидела у белой кафельной стены: вот тут уголок откололся, а здесь плитка чуть-чуть сдвинута. Край бежевой больничной кушетки в одном месте немного потерялся, и из-под пластикового покрытия вылезали нитки основы. Ниток было пять: три малюсенькие, с пушистыми кончиками, одна побольше и еще одна совсем длинная, сантиметра полтора, – она слегка шевелилась, как будто сообщая: вентилятор работает. Правда, его дуновения были такими слабыми, что ниточка шевелилась еле-еле. Воздух казался неподвижным и очень густым. Но люди в белых и зеленых халатах – желтовато-смуглые, коричневые, а некоторые совсем черные – шагали очень быстро, почти не обращая внимания на замершую в углу фигурку.

Белозубая медсестра с добродушным темно-коричневым лицом – она говорила по-русски, впрочем, здесь многие говорили по-русски – принесла что-то вроде чая. Но Галя так и не смогла сделать ни одного глотка. Ей хотелось сжаться, стать маленькой и незаметной, слиться с этой белой стеной и потертой кушеткой.

И совершенно невозможно было посмотреть вправо, на обычную, такую же, как и все здесь, дверь. Дверь, за которой умирала ее, Галина, жизнь.

Просто однокурсник

– Слушай, Сашка, уже поздно. Как ты домой-то доберешься? – смущение окрасило Галины щеки румянцем, который ярко выделялся на белоснежной коже девушки, подчеркивая блеск больших голубых глаз.

Полненькая и невысокая Галя не выглядела красавицей, но обаяние молодости и всегдашняя улыбка красиво очерченных губ с лихвой перекрывали небольшие недостатки внешности, а легкий отходчивый характер делал девушку всеобщей любимицей. Она никогда не обижалась, не выясняла отношений, не держала ни на кого зла. Случилась неприятность? Вдохнула, выдохнула – и дальше по жизни с той же светлой улыбкой.

Высокий темноволосый Саша – первый красавец курса – Гале, пожалуй, нравился. Но для нее, воспитанной в строгих еврейских традициях, тайной были не только отношения между мужчиной и женщиной – она не умела заглянуть даже в собственное сердце. А на вопросы матери только смеялась: «Глупости! Он просто однокурсник!»

Ну да, просто однокурсник. К тому же лучше всех учиться, а ей никак не дается этот упрямый сопромат, а на носу летняя сессия... Ей даже не приходило в голову, что «просто однокурсник» вряд ли станет так старательно ездить из неблизкого Пушкина на Васильевский остров. Да-да, конечно, про-

сто чтобы по-дружески помочь. Галя, правда, чувствовала легкую неловкость оттого, что родители у бабушки Доры на даче и они с Сашей одни в квартире, – но не более того.

И сейчас, заметив, что уже вечер – ах, эти обманчивые ленинградские сумерки на пороге лета! – она забеспокоилась лишь о том, что до дому Саше далековато. Только в животе почему-то похолодело. Как два года назад, когда родители, обрадованные ее успешным поступлением в Ленинградский политехнический, повезли Галю на Черное море. Она впервые тогда летела на самолете. Когда тот «падал» в воздушную яму, внутри становилось холодно, а сердце, кажется, билось прямо в горле. Вот как сейчас.

– А разве я не дома? – за кажущейся наглостью Саша скрывал свою неопытность. Пальцы, коснувшиеся пуговиц Галиной кофточки, дрожали одновременно и от желания, и от робости.

– Ты с ума сошел! – Голос Гали предательски дрогнул, превратив возмущенное восклицание в еле слышный шепот.

– Совсем сошел, – Саша приник губами к нежной ложбинке над ключицей, и голос его прозвучал глухо.

Губы скользнули ниже, ниже... Гале казалось, что у нее неожиданно подскочила температура – было трудно дышать, кожа горела, а тело вдруг стало чужим, пластилиновым, восковым. И воск этот от жара делался все мягче, все податливее...

Дождь в августе

Оглушенная, погруженная в переживания, Галя едва заметила, как пролетели экзамены. Отличник Саша закрыл сессию «автоматом», и Галя была почти рада, что в институте его не видно. Хотя злополучный сопромат она, конечно, завалила.

Чтобы готовиться к пересдаче, она уехала к бабушке с девушкой на дачу. Родители наезжали только по выходным, а Дора Аркадьевна и Зигмунд Исакович жалели внучку – сопромат все-таки! – и старались ее не беспокоить.

Но занятия шли еле-еле. Август выдался дождливым, Галя целыми днями валялась на продавленном, потрескавшемся кожаном диване и думала, думала...

«Где сейчас Саша? Как мы встретимся осенью? Ведь он даже не сказал, что любит...»

Возле дивана стоял такой же древний буфет. На его высокой резной верхушке Галя прятала от бабушки сигареты. Курить, чтобы не заметили, она бегала под дровяной навес.

Удобно устроившись на низкой поленнице, девушка с наслаждением затянулась... и поплыла: перед глазами замелькали белые точки, руки, вдруг ставшие ватными, не удержали сигарету... и Галю вывернуло прямо на дрова.

– Что это? Давление меняется? Отравилась?

Отталкивая плавающие в бочке первые желтые листья, Га-

ля умылась, прополоскала рот, но кислый привкус держался стойко. Казалось, что и диванная кожа пахнет рвотой. В бок впилась забытая в кармане сигаретная пачка.

«А ведь Наташка весной то же самое рассказывала! Мол, если залетишь, сразу курить бросишь, от одного запаха выворачивать начнет... О Господи! Что же теперь будет?!»

Когда в последних числах августа отец забирал ее с дачи, Галя испугалась еще больше.

– Сумка тяжелая, не поднимай сама! – прикрикнула на нее бабушка.

Неужели догадалась?! Недаром последние недели не ворчит «ну-ка ешь все подряд», а спрашивает, чего бы хотелось повкуснее.

По дороге Галя раза три просила отца остановить машину – ее мутило. Стоило отойти от бензиновой дорожной вони, как становилось легче. «Ох, – думала Галя, – хорошо еще, что мама в городе осталась, не то мигом бы все поняла».

«Квартирант»

Первый учебный день выдался теплым и хрустально-прозрачным. Контраст совсем еще зеленых газонов и золотой листвы над ними был сказочно красив. Но Гале было не до красот. Главное – Саша! Вон он, с девушками балагурит, наверняка договариваются, где первый учебный день отметить. Вот, заметил ее...

Галя повернулась и пошла к дальней скамейке. Он должен, должен, должен ее догнать!

– Соскучилась?

Сашин голос показался Гале чужим: ни нежности, ни теплоты она не услышала. А ведь так надеялась на эту встречу! Уткнувшись в жесткую спинку скамьи, девушка безудержно зарыдала.

– Господи, что с тобой? – Теперь голос звучал по-настоящему обеспокоенно, в нем не осталось ни капли этой ужасной «хозяйской» сытости. Саша обнял девушку, нежно привлек к себе:

– Галчонок, хороший мой, ну не плачь, ну пожалуйста! Что случилось?

– Я... я... я беременна. Уже больше трех месяцев, – едва выговорила Галя и зарыдала еще отчаяннее.

«Черт, вот не было печали!» – подумал Саша. Но вздохнул, еще крепче прижал к себе девушку и почти твердым го-

лосом сказал:

– Давай-ка успокаиваться. А то будешь перед родителями с красным носом.

– П-п-почему п-перед родителями? – опешила Галя.

– Ну им же надо сообщить? Свадьба там, все такое, как без них?

– С-с-свадьба? Ты серьезно?

– А что, у тебя есть другие варианты? Ты собираешься устроить романтическое бегство и тайный брак под покровом ночи? – Саша, собрав все свое мужество, сумел даже пошутить. «Ну что ж подделаешь, – подумалось ему, – раз уж так вышло. Свадьба так свадьба».

Окрыленная счастливой развязкой, Галя ухитрилась все-таки спихнуть злополучный сопромат. А вот из шумной свадебной пестроты почти ничего не запомнила: белое платье смущало, казалось, что все разглядывают ее живот. Хотя и живота никакого еще не было: дед кому-то позвонил, и бракосочетание устроилось в мгновение ока. Но Гале все равно казалось, что догадываются и смотрят. И все время хотелось в туалет... Бабушка Дора, глядевшая на внучку печально и ласково, погладила ее по голове и сказала:

– Запомни, внученька: любовь – это работа. Причем без выходных.

Как в воду глядела бабушка Дора. Саша, похоже, решил, что, женившись, полностью исполнил свой долг – чего вам еще надо? Дома – поселились они у Галиных родителей –

молодой муж почти не появлялся.

– Опять «квартирант» не ночевал, – удовлетворенно замечала мама, не скрывавшая своего презрения к зятю.

Галя терпеливо придумывала отговорки: то конспекты нужны, то у однокурсника день рождения, но Зинаида Семеновна только поджимала губы и усмехалась.

Зимнюю сессию Галя все-таки сдала: экзаменаторы косились на ее огромный живот и зеленоватую бледность и ставили тройки из жалости. Только вредный «научный коммунист» попытался спрашивать Галю по-настоящему, но его одернули собственные коллеги: оставь ее в покое, а то еще родит прямо тут.

В общем-то они были правы: едва Галя закрыла сессию и оформила академический отпуск, как уже пришлось отправляться в роддом.

Дима родился 13 февраля 1978 года.

Красненький сморщенный «старичок» хватал грудь с такой жадностью, что Галя едва не кричала от боли. Сразу треснули соски, и Зинаида Семеновна передала ей «верное средство» – яблочное пюре и облепиховое масло. Галя, сжав зубы, терпела, пока малыш наестся, намазывала трещинки и подходила к окну, как будто высматривала – не придет ли Саша. Саша не приходил, но ей было все равно. Галю пугало, что она никак не может полюбить сына. «Что же я за монстр? – думала она. – Ведь он моя кровиночка, он такой маленький, такой беспомощный...» Но сердце молчало, и

Галя чувствовала себя бездушным чудовищем. Какой уж тут муж – подумаешь, не приходит!

Из роддома ее забирали родители. Медсестра передала Роману Зигмундовичу, отцу Гали, аккуратный сверток, про-бормотала дежурные поздравления и скрылась. Галя вдруг ощутила, как больно сжалось сердце.

– А где бабушка? – Про Сашу она даже и не вспомнила. – Что с бабушкой?!

– Дома, дома бабушка, – засуетилась мама. – Поедем, а то продует тебя.

Промозглый ленинградский февраль пробирал до самых костей. Чашка горячего чая была почти невероятным чудом.

Войдя в родительскую квартиру, Галя испугалась:

– Бабушка! – казалось, Дора Аркадьевна стала вдвое меньше, как будто съежилась.

– Ну вот, я и с правнуком, – бабушка всхлипнула и быстро скрылась в ванной.

– Мама, что случилось, что с бабушкой?

Зинаида Семеновна увела Галю на кухню, подвинула ей дымящуюся вкусным чайным духом чашку.

– Мама!

– Дедушку вчера похоронили. Только и успел порадоваться, что правнук. А на следующее утро просто не проснулся, и все. Мы хотели, чтобы она с нами хоть немного пожила – представь, каково там сейчас, в пустой квартире, – но она ни в какую, сама, говорит, справлюсь. Это только сегодня, что-

бы тебя встретить, приехала.

Саша явился лишь через три дня. Взглянул на сына, ода-рил Галю дежурным поцелуем – и все покатилося по преж-ней колее.

Галя даже не пыталась наладить отношения – до того ли! Родители были заняты своими делами, бабушка приезжала редко, повторяя «мне нужно привыкнуть к одинокой жиз-ни». Бесконечные пеленки, кормления, бессонные ночи от-нимали все силы. Постоянно отключали горячую воду, так что стирка превращалась в подвиг. Да еще прогулки, хотя бы дважды в день. Ленинградская зима неласкова, но «све-жий воздух ребенку необходим», и точка. Толкая коляску по ледяным буграм, Галя почти засыпала на каждом шаге, по-минутно вздрагивая то от промозглого ветра, то от приступа сжимающего живот страха – а вдруг малыш простудится, а вдруг сосулька на нас упадет, а вдруг машина из подворот-ни. Страх за крошечное, полностью зависящее от нее суще-ство сменялся раздражением – да где же эти радости мате-ринства! – потом оцепенением. Когда Саша вспоминал, что он все-таки муж, Галя терпела его прикосновения через силу, ужасаясь собственной бесчувственности. Чужой, чужой, чу-жой. Все – чужие.

Даже отражение в зеркале было чужим. Крутясь как бел-ка в колесе, уставая до беспамятства, Галя тем не менее по-правлялась «как на дрожжах» и к апрелю едва влезала даже в «беременный» сарафан. Весна тоже ее не разбудила, тем

более что выдалась она слякотная и холодная – не понять, май на дворе или ноябрь.

Приехав навестить правнука, Дора Аркадьевна в один миг поняла – внучку пора спасать.

– Вот что, – решительно сказала она, стараясь не замечать пустого взгляда Гали. – Заберу-ка я вас к себе. Я и с пеленками помогу, и погуляю с Димочкой. А то ведь крутишься одна целый день, скоро на стенку полезешь.

Галя безразлично покачала головой:

– На стенку не полезу – сил нет. Все черно-белое и холодное. Как будто меня зимой на кладбище забыли.

– И я тебя забыла, да? – вздохнула Дора Аркадьевна. – Ну ничего, все наладится. Димочка у тебя вон какой хорошенький: щечки розовые, глазки умные, волосики выются – ангелочек! Пойдем чайку попьем, я твой любимый вишневый тортик привезла.

Галя вдруг всхлипнула.

– Ну-ну, поплачь немножко, все и пройдет, – Дора Аркадьевна заварила чай. – Попей вот, сразу очнешься.

Терпкий чайный вкус мешался со слезами, и Галя чувствовала, что с каждым глотком все внутри оживает. Как по волшебству. Что это она, в самом деле, похоронить себя вздумала?

Переселив к себе внучку с правнуком, Дора Аркадьевна серьезно поговорила с Сашей, и тот тоже будто опомнился: после занятий, нигде не задерживаясь, сразу ехал домой, гу-

лял с сыном и был очень мягок с Галей. Решив по настоянию бабушки осенью вернуться в институт, она все лето посвятила тому, чтобы добиться прежней привлекательности. Дора Аркадьевна ласково, но строго следила за ее диетой:

– Не в булках счастье, дитя мое! Ты молодая мама, ты должна быть красивой. Муж у тебя вон какой!

– Да не нужен он мне вовсе! Только для соседей, чтоб не шушукались за спиной!

– Э-э, внученька, не зарекайся! Ты ведь и не стараешься Сашу заметить, точно и нет его.

– Его не заметишь, как же! Вон какой огромный, – пошутила Галя.

– Вот и замечай его почаще. Женщина для мужчины – как для машины свеча зажигания. Без нее с места не сдвинется. Искорка нужна. Я дедушку твоего всегда хвалила. Мусор вынес – ай, какой помощник! Картошки принес – вообще гер-рой. Молока купил – какой умница, никогда ничего не забываешь. Хотя, конечно, что-нибудь он всегда забывал, да все они такие. А похвалишь – расцветет. Вот и старайся.

И Галя старалась. Втянулась в учебу – помогло то, что осенний семестр она проходила повторно и сама удивилась, что, оказывается, кое-что помнит. В общем, жизнь наконец покатилась ровно, без провалов: обычная студенческая семья с ребенком.

Черный коралл

– Конечная станция, ла-пуш-ка!

Галя с трудом открыла глаза. Необыкновенно смуглый мужчина в военно-морской форме тряс ее за плечо и бело-зубо улыбался:

– Ты так сладко спала. Как дети спят, – в его правильной речи чувствовался какой-то непривычный акцент. Не эстонский или финский – эти в Ленинграде не редкость, – а что-то другое, необыкновенное. Гале вдруг показалось, что где-то далеко шумит морской прибой. И... да, еще попугаи на прибрежных пальмах кричат. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

У Димки лезли зубки, и после бессонной ночи где-то к середине дня позванивало в голове. А сейчас, к вечеру, уже и чудится невесть что!

Но на эскалаторе смуглый военный опять оказался рядом:
– Хосе.

Он улыбнулся, и далекий прибой загредел почти оглушительно...

– Меня называли в честь Хосе Марти, это наш кубинский поэт и лидер освободительного движения.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ты ми-ла-я. Как Мадонна, – он говорил медленно, почти по слогам, точно пробуя каждое слово на вкус.

Галя смутилась. Мадонна? Вынырнув из депрессии, она почувствовала наконец свое материнство: душа переполнялась любовью и нежностью к маленькому Димке, к первому «мама» и доверчиво протянутым ручонкам. И зеркало тут же отразило внутренние изменения: вместо толстой куклы с пустым «пластмассовым» взглядом там появилась очаровательная юная женщина. Глаза стали глубокими и засияли теплым, почти загадочным светом.

– Темно. Тебе не надо идти одной. Я провожу.

Внимание смуглого красавца было неожиданно приятно. Галя иногда просила Сашу ее встретить – идти от метро в темноте было и впрямь страшновато. Но бабушка в последнее время стала сильно сдавать, и оставлять ее одну с ребенком не стоило.

– Как тебя зовут?

– Галя.

– Га-ля, – нежно повторил он.

Она неожиданно испугалась самой себя и поспешила расставить точки над «i»:

– Я замужем. У меня есть сын.

– У меня тоже, – опять улыбнулся Хосе, и Гале вдруг захотелось идти вот так подольше, она даже свернула на кружной путь. – Моя семья на Кубе. У нас всегда солнце.

– Вот я и дома. Спасибо, Хосе, что проводил, – Галя приоткрыла дверь парадного.

– Как я тебя увижу? – он придержал ее руку. – Завтра?

Галя заколебалась – Господи, что я делаю? Но... В конце концов, а что тут такого?

– Хорошо, – тихо согласилась она. – Я в политехе учусь, завтра заканчиваю в три...

– Я буду ждать! Ла-пуш-ка...

Дома у нее все валилось из рук. В ушах звучало нежное «ла-пуш-ка» и шумел океанский прибой. Когда Саша попытался ее обнять, она легко выскользнула и принялась разгребать завал грязной посуды в раковине.

Саша, нагулявшись с многочисленными подружками, в последнее время наконец-то оценил собственную жену. Что подружки! Темненькая, светленькая, рыженькая, худенькая, пухленькая... в общем-то все одно и то же. А Галя – родная и единственная. Саша искренне любовался тем, как она склоняется над конспектами, как играет с сыном: пушистые кудряшки над нежной шеей, женственная гибкость, сияние огромных глаз.

Галя же как будто не замечала перемен. Должно быть, обида за прежнее равнодушие, «квартирантство» и бесконечные измены засели слишком глубоко. Какая любовь без доверия? Да и то сказать – была ли она, любовь-то? Просто обстоятельства так сложились.

Ей снились ослепительно горячее солнце и кипящие – как бурлит вода на сильном огне – грохочущие волны. За линией прибоя вода становилась голубой, зеленой, стеклянно-прозрачной. В глубине фантастическими букетами распуска-

лись гроздьях разноцветных кораллов. Она пыталась нырнуть, но вода становилась настоящим стеклом, и его осколки больно впивались в тело. Промаявшись всю ночь, к рассвету Галя решила: будь что будет.

Она увидела Хосе издали: прямой, гордый, такой необыкновенный посреди мрачноватой ленинградской осени. Ветер толкал в спину, и она почти летела навстречу...

– Ла-пуш-ка! – он прижал Галю к себе. – Пойдем...

В гремящем переполненном трамвае Хосе нежно подтолкнул ее в угол и загородил собой от всего мира. Галя чувствовала, как его губы касаются ее волос, вдыхала странный, невероятно притягательный запах его форменного кителя... Или это его собственный запах?..

Она даже не спрашивала, куда ее ведут. Только увидев две железные койки под одинаковыми синими одеялами, поняла – они в казарме. Обшарпанный стул, две табуретки, шаткий стол, заваленный книгами...

Хосе усадил ее на единственный стул, опустился перед ней на колени:

– Ла-пуш-ка моя, – от его хриплого шепота опять повеяло шумом океанского прибоя. – Ты... останешься?.. Или... ты можешь уйти...

Галя поднялась, хотя ноги совсем не слушались.

– Вот это – твоя кровать?

– Но... как ты догадалась? Они же одинаковые... – Голос его сорвался.

Почему так трудно дышать? – удивилась Галя и медленно, почти не понимая, что делает, расстегнула верхнюю пуговицу...

Грохот прибоя стал оглушительным, высокое белое солнце сияло все ослепительнее...

– Ла-пуш-ка! Почему ты плачешь?

В сумерках каждая черточка, каждая жилка, каждая линия его смуглого тела, казалось, светится изнутри теплым золотистым светом.

– Мне никогда не было так хорошо, – прошептала Галя. – Но... мне нужно возвращаться.

Хосе поцелуями осушил ее слезы.

– Га-ля. Га-ля. Мне... У меня тоже семья. Их нельзя бросить. И... я военный человек. Подводник. Мы уходим в рейс.

– А... когда вернешься?

– Нам ведь не говорят, – печально прошептал Хосе. – Но я вернусь, обязательно. Скажи мне свой телефон.

– А вдруг трубку поднимет Саша?

– Я не причиню тебе вреда. Никогда. Легче умереть.

Провожая, Хосе больно сжимал ее руку. «Еще шесть остановок осталось, – думала Галя, – еще пять... две... еще четыре дома... еще один...»

От последнего поцелуя в парадном у Гали, казалось, остановилось сердце.

– Тебе надо идти, ла-пуш-ка? – Его голос был горьким, как апельсиновая косточка, попавшая на зуб: пронзительно

свежая солнечная мякоть и вдруг...

Саша встретил ее с сонным Димкой на руках.

– Что так долго?

– С Наташкой в библиотеке засиделись, – не задумываясь, бросила Галя, радуясь, что они теперь на разных курсах и муж не знает никого с ее потока.

Она с облегчением закрылась в ванной. Желтая ленинградская вода пахла ржавчиной...

Невский ветер, когда Галя каждый день с замиранием сердца вглядывалась в клубящуюся возле института толпу, тоже, казалось, пах ржавчиной. День проходил за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем... Димку отдали в ясли, потом в садик, Саша начал где-то подрабатывать вечерами. Где – Галя не интересовалась. Ей было все равно...

– Ла-пуш-ка моя, – Хосе прижал ее к себе, увлек к стоящему рядом такси.

– Я так скучала по тебе, – выдохнула Галя, почти теряя сознание от его поцелуев. – А куда мы?

– Катаемся, – грустно сказал он. – Нам сегодня некуда ехать.

– Есть куда! – встрепелась она и назвала адрес родительской квартиры. – Там до семи никого не будет, все на работе.

Поднимаясь по лестнице, они останавливались на каждой ступеньке не в силах оторваться друг от друга. Уже у двери Галя испугалась – где же ключи? Почти в отчаянии она вы-

тряхнула сумку прямо на бетонный пол... вот они! Не глядя, сгребла всю кучу обратно – скорее, скорее... Черт, она же в другую сторону открывается!

И снова этот оглушительный грохот прибоя, и ослепительное солнце в недостижимой вышине!

– Ла-пуш-ка моя! Единственная, нежная, любимая...

– Господи! Уже полседьмого! – Галя непослушными руками путалась в тряпичной кучке – в каком же порядке все это надевают? Хосе, как и положено военному, собрался за минуту. Мягко остановил:

– Ты надеваешь наизнанку, – и одел ее сам. Бережно, как ребенка. Галя едва не разрыдалась.

За стеной соседи крутили последний диск Пугачевой: «Ленинград, Ленинград, я еще не хочу умирать!»

Всю дорогу Хосе прижимал ее к себе и отводил глаза.

– Ты что-то недоговариваешь? – не выдержала Галя.

– Ла-пуш-ка, мы здесь только один день. Завтра опять в рейс. Надолго.

– Господи, нет! – Галя едва сдерживала рыдания.

– На полгода или даже больше, – выдохнул Хосе.

– Дача! У нас ведь есть дача! Я сейчас только домой забегу...

Он покачал головой:

– Нет. В двадцать один ноль-ноль я должен быть на месте.

– Я провожу! Хотя немного еще...

– Не надо, Га-ля. Ты будешь мучиться. Ты будешь одна.

И будет темно. Не надо.

И Галя послушно повернула домой, к мужу и сыну.

– Мама, на! – Димка протянул ей тапочки.

Галя прижала сына к себе:

– Мой маленький мужчина! Самый любимый!

– Бабушка опять чайник в раковине забыла, потоп на всю кухню, – сухо сообщил Саша. – И мыть ее, по-моему, пора.

Дора Аркадьевна сдавала буквально на глазах. Она забывала, какой сегодня день, не узнавала близких, с трудом двигалась. Иногда бабушка становилась совсем прежней, но это случалось все реже и реже. Вдобавок от слабости и склероза у нее началось недержание. Галя заглянула в комнату и почувствовала, что бабушку действительно «пора мыть». Да и на пол с клеенки натекло...

Она меняла постель, мыла Дору Аркадьевну, стирала загрязненные простыни и плакала от жалости к бабушке и к себе:

– Господи, за что мне это?!

Уже перед сном дрожащими от усталости руками Галя открыла «Робинзона Крузо». Это лекарство она придумала для себя еще в детстве: какие бы неприятности ни случились – раскрой «Робинзона» на случайной странице, обязательно найдешь совет и поддержку. Сегодня книга сказала: «Я увидел, что не следует унывать и отчаиваться, так как в самых тяжелых горестях можно и должно найти утешение...»

«А ведь я могла бы никогда не встретить Хосе, – думала Галя, – прожить всю жизнь, не узнав об этом спящем го-

рячем солнце... Значит, несмотря на все невзгоды, я счастливая! Спасибо, Господи!»

Через неделю Галя увидела возле детского сада «Скорою». Сердце оборвалось. Задышавшись, она подбежала к воротам. Санитар нес на руках вялого, пышущего жаром Димку.

– Ваш мальчик? Госпитализируем срочно: головная боль, рвота, подозрение на менингит. В Боткинскую приезжайте.

В больнице Галю не пустили дальше приемного покоя. Толстая сердитая тетка только отмахивалась:

– Езжайте домой, мамочка. Ну поступил, ну подозрение на менингит, будут анализы делать, там врачи, а от вас одно беспокойство. Езжайте, езжайте.

Часа два Галя просидела на ледяной кушетке, но в конце концов тетка все же заставила ее уйти.

Квартира встретила ее жутковатой тишиной.

– Бабуля! Димочку в больницу забрали...

Галя распахнула дверь в комнату Доры Аркадьевны и остолбенела: бабушка, странно скрючившись, лежала на полу. Галя бросилась к ней и отдернула руку – бабулина щека обожгла ее восковым холодом.

Вернувшийся через час Саша с ужасом увидел, что жена сидит на полу, обняв бабушку, и раскачивается, точно баюкает ее.

– Где Димка?

– В Боткинской, – сквозь рыдания пробормотала Галя. – Подозрение на менингит.

Саша нежно обнял ее, увел на кухню, заставил выпить валерьянки и начал звонить в «Скорую» и Зинаиде Семеновне.

Чтобы похоронить бабушку, как она хотела, рядом с мужем, пришлось согласиться на кремацию. Прямо с кладбища Саша с Галей поехали в Боткинскую: страшный диагноз не подтвердился, и Димку выписали долечивать острую простуду дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.